

А. Н. Ракин, Исследования по пермским языкам, Сыктывкар 2009. 271 с.

Книга посвящена юбилею доктора филологических наук Анатолия Николаевича Ракина. Она содержит 27 статей, отобранных из 300 научных работ юбиляра, подготовленных и опубликованных им с 1976 года по настоящее время.

Издание открывает статья «Слово об ученом» директора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН А. Ф. Сметанина. В ней говорится о жизненном пути А. Н. Ракина, освещаются круг его научных интересов, направления деятельности и творчества, говорится о значимости и важности его исследований для коми и пермского языкознания, финно-угристики в целом.

Основная часть книги состоит из нескольких тематических разделов. Первый блок статей посвящен различным компонентам словарного запаса трех пермских языков. Названия статей: «Исследования словарного состава в контексте истории общества (пермские народы)», «Миконимическая лексика пермских языков», «Benennungen der Kulturpflanzen in den permischer Sprachen», «Лексика цветообозначения в пермских языках», «Ихтионимическая лексика в пермских языках», «Генезис анатомической лексики в пермских языках», «Ангионимическая и сенсонимическая лексика в пермских языках», «Спланхонимическая лексика в пермских языках», «Luiden nimitukset permilaisissä kielissä». В этих исследованиях рассматриваются такие пласты лексики, как названия представителей культурной флоры, система обозначения грибов (миконимия), система цветообозначений, названия рыб (ихтионимия), анатомическая лексика. Лексический материал трех пермских языков рассматривается с нескольких точек зрения.

1. С точки зрения происхождения: являются ли обозначения исконными, т. е. уральскими, финно-угорскими (допермскими), прапермскими (обще-

пермскими), общекоми (коми-зырянскими и коми-пермяцкими), собственно коми, собственно удмуртскими, собственно коми-пермяцкими или заимствованиями (тюркскими, прибалтийско-финскими, обско-угорскими, русскими).

Так, среди названий-цветообозначений можно выделить названия, относящиеся к допермскому (напр., кз., кп., *лӧз*, удм. *лыз* 'синий' и др.), общепермскому (напр., кз. *гӧрд*, кп. *гӧрд*, удм. *горд* 'красный, рыжий' и др.), общекоми (напр., кз., кп. *руд* 'серый') периоду, названия возникшие в период самостоятельного развития каждого из пермских языков (напр., кз. *кольквиж* 'желтый', *турунвиж* 'зеленый', удм. *тӧды* 'белый' и др.). Заимствованная лексика представлена тюркскими (напр., удм. *чагыр* 'голубой') и русскими (напр., кз., кп. *алӧй* 'алый', удм. *сиреневой*) заимствованиями.

2. С точки зрения принципов номинации: являются ли те или иные названия мотивированными (отражение цветовых признаков, места произрастания, морфологических особенностей объекта номинации, отношение, оценка (положительная, отрицательная), содержащаяся в названии, и т.д.) Например, в миконимической лексике можно выделить наименования грибов, связанные с цветовыми особенностями (напр., кз. *еджыд гоб* 'белый гриб', кп. *сьӧд тшак* 'груздь черный', удм. *гордӧыр* 'подосиновик', букв. 'красная голова'); местом произрастания (напр., кз. *нюр тшак* 'путник', букв. 'болотный гриб', кп. *му тшак* 'груздь черный', букв. 'земляной гриб', удм. *кыед губи* 'поганка бледная', букв. 'навозный гриб'); морфологическими особенностями (напр., кз. *гӧнадӧр* 'волнушка', букв. 'мохнатый край', кп. *кыз рыжык* 'рыжик боровой', букв. 'толстый рыжик', удм. *гоно губи* 'волнушка', букв. 'мохнатый гриб'); отношением к грибам создателей названий (напр., кз. *понтшак* 'поганка', букв. 'собачий гриб', кп. *бур ель-дӧг* 'груздь', букв. 'хороший груздь').

3. С точки зрения словообразовательной структуры: являются ли те или иные лексические единицы несоставными (одночленными) — непроизводными или производными, или составными (многочленными). Например, пермские ихтионимические названия могут быть одночленными (напр., кз. *кебѳс* 'сиг') и составными (напр., кз. *из ув чери* 'бычок подкаменщик', букв. 'рыба под камнем', кп. *лѳз ар* 'синий голянь', удм. *тыпарсь* 'линь', букв. 'озерная свинья').

В статье «Этимологизация лексики общепермского происхождения» анализируется общий для всех пермских языков, прапермский по происхождению материал в «Кратком этимологическом словаре коми языка». По данным А. Н. Ракина, подобного рода лексика содержится в 934 словарных статьях (объем словаря 3200 статей). В работе устанавливается, в каком количестве используется в них удмуртская (998 единиц в 775 словарных статьях), коми-пермяцкая (127 слов в 113 статьях) и коми-язьвинская лексика (186 слов в 170 словарных статьях) лексика. Отмечается, что пермские языки привлекаются лишь в той мере, в какой они обеспечивают установление этимологий коми-зырянских слов. В 695 словарных статьях этимологический анализ завершается реконструкцией праформ. Праформы не пригоняются у оноματοпоэтических и изобразительных слов, у некоторых производных и двухкомпонентных слов. В последних двух случаях есть лишь ссылки на словарные статьи, в которых в качестве самостоятельных слов рассматриваются производящие основы и составные части многокомпонентных конструкций. Одной из причин отсутствия праформ является и наличие незакономерных звуковых соответствий и существенных семантических расхождений между сопоставляемыми словами. Не реконструируются праформы и у некоторых заимствованных слов, для них указывается лишь источник заимствования.

В зависимости от степени полноты использования сопоставляемого

материала А. Н. Ракин выделяет следующие типы этимологий:

1. Этимологии, базирующиеся на материале всех пермских языков (43 словарные статьи, напр., кз. *дуль*, кп. *dul'*, кя. *dul'*, удм. *дыльды* 'слюна');

2. Этимологии, базирующиеся на материале трех пермских языков (143 словарные статьи: в 102 из них дается коми-зырянский, коми-язьвинский и удмуртский материал, напр., кз. *гез*, кя. *gi-z*, удм. *гозы* 'веревка'; в 34-х — коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский материал, напр., кз. *ябыр* 'скворец', кп. *ябыр* 'вид серой птички', удм. *юбер* 'скворец'; в пяти — коми-зырянский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский материал, напр., кз. *бара*, кп. *bera*, кя. *bora* 'опять, снова'; в двух — коми-пермяцкий, коми-язьвинский, удмуртский материал, напр., кп. *зын* 'зловоние', кя. *зон* 'запах', удм. *зын* 'запах');

3. Этимологии, базирующиеся на материале двух пермских языков (452 словарные статьи: в 430 из них рассматривается коми-зырянский и удмуртский материал, напр., кз. *карны*, удм. *карыны* 'делать'; в 10-и — коми-пермяцкий и удмуртский, напр., кп. *сугонь*, удм. *сугон* 'лук'; в шести — коми-зырянский и коми-язьвинский, напр., кз. *этиша*, кя. *i-ša* 'мало'; в четырех — коми-язьвинский и удмуртский, напр., кя. *ўтно* 'закопать, захоронить', удм. *ватыны* 'спрятать, скрыть, утаить'; в одной — коми-зырянский и коми-пермяцкий, кз. *сыкавны* 'портиться снегу при оттаивании, терять прочность', кп. *сікалэм* 'гнилой'; в одной — коми-пермяцкий и коми-язьвинский, кп. *порйѳтны* 'поздравить', кя. *porjot-* 'приветствовать, поздравлять');

4. Этимологии, базирующиеся на материале одного из пермских языков. К этой группе относятся лишь коми-зырянские слова (17 словарных статей, напр., *посни* 'маленький', *шобдї* 'лен', *позьбї* 'можно' и т. д.). Так как соответствия в других пермских языках отсутствуют, праформы в данном случае реконструируются с опорой на дальнеродственные языки.

Как считает автор статьи, существует определенная зависимость между перечисленными типами и надежностью существующих этимологий: «Чем больше языков одной ветви привлекается для реконструкции, тем она безупречнее, и, наоборот, чем уже круг соответствий, тем менее убедительна предлагаемая версия о происхождении лексической единицы» (с. 102).

В результате анализа материала исследователь устанавливает, что подавляющее большинство реконструируемых для общепермской лексики праформ относится к одночленным лексическим единицам, но есть так же и двучленные конструкции (таких примеров 15, напр., **ńin-pu* 'липа'). Основная масса этимологизированных слов является самостоятельными знаменательными словами и только четыре примера — служебные слова. В большинстве словарных статей дается одна праформа, но в некоторых случаях авторы словаря дают два этимона (напр., **koin* или **kion* 'волк'). Также в словаре даются праформы и для части (63 этимона) индоевропейских (напр., **reǵ* 'поводок'), индоиранских (**zarńi* 'золото'), древнебулгарских (**keč* 'заяц'), древнетюркских (**kač*- 'белый'), древнененгерских (**dur*- 'вид перепончатокрылого насекомого') и прибалтийско-финских (**rõç* 'чужеземец, русский') заимствований.

А. Н. Ракин в системе праформ лексики общепермского происхождения выделяет единицы, прошедшие полную и неполную этимологизацию. В первом случае слово реконструируется как по структуре, так и по семантике. В основном это именные категории, но встречаются и другие части речи (напр., **gag* 'насекомое', **jon* 'крепкий, сильный', **suč* 'очень, совсем, сильно' и др.). При неполной этимологизации частично реконструируется структура лексической единицы (это в основном глаголы, напр., **bord*- 'плакать', **vijal*- 'течь' и др.) или не приводится семантика праформы (напр., кз. *napıd* 'не просохший, влажный', удм. *nap* 'густой' < **nap*-).

Большую группу составляют статьи, посвященные какому-либо одному из пермских языков.

В статьях «Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка», «Dendronymische Lexik in der komi-syrjänischen Sprache», «Гидронимия верхней Вычегды», «Víznevek felső Vicsegda területén», «Структурные особенности коми названий низших форм животных» анализируется флористическая лексика коми языка: обозначения представителей животного мира; названия древесной и кустарниковой растительности; наименования естественных и искусственно созданных водоемов; названия беспозвоночных и рептилий. Анализ лексического материала тоже осуществляется с точки зрения происхождения, принципов номинации и словообразовательной структуры.

В работах «Названия культурных растений в коми-пермяцком языке» и «Коми-пермяцкий компонент лексики общепермского происхождения» исследуется коми-пермяцкий материал. Первая содержит этимологический, семантический и морфологический анализ коми-пермяцких названий культурных растений, вторая — анализ коми-пермяцкого материала прапермской эпохи в «Кратком этимологическом словаре коми языка».

Две статьи касаются удмуртского языка. В одной («Дендронимическая лексика удмуртского языка») выявляются этимология, особенности функционирования, семантики и номинации, обозначений древесной и кустарниковой растительности, в другой («Удмуртская лексика общепермского происхождения») анализируется словарный запас удмуртского языка, унаследованный из прапермского языка. Удмуртский материал «Краткого этимологического словаря коми языка» рассматривается с точки зрения его количественного соотношения с коми (зырянским, пермяцким, язьвинским) материалом, расположения в составе словарной статьи, особенностей семантики и сферы функционирования.

Следующий блок работ посвящен языку произведений современной коми литературы. В статье «Отражение разговорно-бытовой лексики в текстах коми художественной прозы» рассматриваются лексические особенности диалогической речи персонажей в произведениях коми писателей В. Д. Леканова, И. Г. Торопова и Г. А. Юшкова. В работе «Диалектизмы в контексте художественного произведения» анализируется диалектная лексика в книге коми писателя Е. Афанасьева «Пурзьёмын ар пом».

В статье «Лексические новации в историческом романе Г. А. Юшкова «Бива»» автор статьи выявляет слой лексики, неизвестной для широкого круга читателей, т. е. не характерной для активного современного коми литературного языка. К подобного рода обозначениям относятся новообразования самого писателя, архаизмы и диалектизмы.

Статья сборника «Антропонимическая лексика в контексте современной коми исторической прозы» также посвящена роману Г. А. Юшкова «Бива». Предмет исследования в ней – собственные имена персонажей произведения. А. Н. Ракин выделяет в романе 28 антропонимов, среди которых русские, мансийские и коми-зырянские собственные имена. В первой и второй группах — по три имени, самая многочисленная — коми-зырянские имена. Все они относятся к дохристианскому периоду и коренным образом отличаются от современной, базирующейся на антропонимической лексике русского языка системы коми собственных имен. Автор выявляет следующие особенности семантики и образования коми-зырянских антропонимов: 1) имена, созданные путем использования названий растений (напр., *Маюр*, букв. 'клевер'); 2) имена, имеющие в своем составе компоненты, обозначающие названия животных (напр., *Катша*, букв. 'сорока'); 3) имена, имеющие в своем составе оноματοпоэтические слова, обозначающие звуковые и зрительные явления (напр., *Борган* от *боргыны* 'журчать, бормотать').

Система личных имен рассматривается и на примере других современных коми литературных произведений на исторические темы. Так, в статье «Антропонимическая лексика в исторической повести В. В. Тимина «Эжва Перымса зонка»» анализируются собственные имена, к которым относятся имена личные, патронимы (наименования по отцу), фамилии, родовые имена и прозвища. Система антропонимов в повести состоит из коми, русских, мансийских и татарских компонентов. Последняя группа самая малочисленная и включает в себя пять имен. К мансийским антропонимам относятся 14 единиц. Группа русских антропонимов состоит из 25 имен. А самая многочисленная группа — коми антропонимы, 42 обозначения. В составе данной группы исследователь выделяет исконные и неисконные имена. Среди коми антропонимов имеются как родовые имена (напр., *Турёб Яраш*), так и прозвищные (напр., *Кыз Ку* 'толстая кожа').

Завершает сборник статья «Сись кодь пожёмыс парма нёрысын...», в которой речь идет о жизненном пути и деятельности Е. С. Гуляева, коми языковеда, одного из авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», исследователя коми диалектов, истории коми литературного языка и языка произведений И. А. Куратова.

Опубликованные в разное время в разных изданиях и странах и собранные в рецензируемой книге работы, как нельзя полно отражают область интересов А. Н. Ракина.

НИКОЛАЙ РАКИН (Тарту)

Address

Nikolaj Rakin
University of Tartu
E-mail: rakin@ut.ee